

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПТЫ В СОВЕТСКОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Наталья Варламова

Институт государства и права Российской академии наук
ORCID: 0000-0002-0968-3296

<https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.02.00002>

Аннотация. Теория советского социалистического права формировалась в противостоянии с буржуазными правовыми концепциями и, как это не парадоксально, многими положениями классического марксизма. В статье на основе анализа значимых теорий права советского периода (представлений М. А. Рейснера, П. И. Стучки, Н. В. Крыленко, Е. Б. Пашуканиса, А. Я. Вышинского, М. С. Строговича, В. А. Туманова, В. С. Нерсесянца и др.) показано, что несмотря на стремление обосновать принципиальное отличие советского социалистического права от права эксплуататорских формаций и прежде всего буржуазного права, в воззрениях советских ученых прослеживались явные пресечения с традиционными концепциями права и базовыми типами правопонимания. Автор подчеркивает, что это свидетельствует об универсальности и непреходящей ценности основополагающих правовых концепций, принципов, понятий и конструкций, которые в определенной мере сохраняли свою собственно правовую специфику даже в условиях правоотрицающего советского социально-политического контекста.

Ключевые слова: социалистическое право, советская теория права, типы правопонимания, универсальные правовые концепты

Что нам легисты, что Конфуций,
Куда приятней, нос задрав,
Писать о праве революций
На революцию
Всех
Прав!

В. А. Леванский, Ода на 70-летие журнала «Государство и право»
(*Государство и право* (2012) 4: 23)

Введение

Признание контекстуальности права – общий тренд современной юридической науки, прежде всего тех ее направлениях, которые позиционируют себя как неклассические. Они постулируют отказ от универсальных представлений о праве и декларируют его социокультурную и историческую обусловленность (Chestnov 2012: 74). В праве акцентируется уникальность его состояния «здесь и сейчас», зависящего от множества социальных, в самом широком смысле, вплоть до бытовых, факторов. Возможность формулирования универсального понятия права и его экспликации отрицается или, по меньшей мере, ставится под вопрос. Единственная универсалия в праве – это его социальное назначение – обеспечивать нормальное функционирование и выживание общества (Isayev & Chestnov 2015: 107, 234). Но таково назначение всех социальных институтов, поэтому на указание на какую-либо собственно правовую специфику это претендовать не может.

Бесспорная социальность права не снимает проблемы вычленения его из всей массы социальных явлений. Контекстуальность чего бы то ни было предполагает наличие у него универсальной сущности, которая может по-разному проявляться в различных контекстах, но сохраняться в своей основе. Отсюда контекстуальность права не исключает, а напротив, требует выявления неизменных критериев правового¹, что, в свою очередь, ведет к формированию особого юридического дискурса, в ходе которого они обосновываются, и базовых концептов, их отражающих и редуцирующих.

По мнению М. Ван Хука, автономия права означает, что правовые нормы и их системы могут быть идентифицированы как нечто отличное от морали, религии или иных сводов правил. Даже если правовая система основывается на таких сводах как, например, исламское право, подчеркивает М. Ван Хук, «она изменяет и адаптирует эти нормы с определенной позиции, согласно собственной внутренней логике». Автономия права проявляется в наличии специфически правовых институтов,

¹ Само противопоставления универсальности и уникальности права тоже можно отнести к инвариантам правовой мысли, представленным, например, позициями сторонников вечного и неизменного естественного права, с одной стороны, и исторической школы права – с другой. Впрочем, с современных позиций историческая школа права «недостаточно контекстуальна», поскольку утверждает историческую и национальную предзаданность права, то есть игнорирует «повседневный контекст».

процедур, языка, стиля изложения, способов аргументации, и наконец, в развитии целостной доктрины (доктрин) (Ноеске 2012: 60–61). При этом «правовой язык, правовая аргументация и правовая доктрина сходны во многих системах... Сегодня все правовые системы в мире — диалекты одного общего правового языка, разновидности единого правового дискурса» (Ноеске 2012: 62–63). И «общий правовой дискурс оказывает решающее влияние на содержание права и на смысл, вкладываемый в это право при его применении судами» (Ноеске 2012: 69).¹

Обращение к устоявшимся базовыми правовым концептам свидетельствует о стремлении «говорить на юридическом языке» и предлагать юридическую интерпретацию соответствующих социальных отношений, а в практическом плане — осуществлять их правовое (в той или иной мере) регулирование.

Специфика социального контекста серьезным образом сказывается на возможности его юридизации, вплоть до полного исключения таковой или сведения к формально-декоративным институтам. Но даже в последнем случае само стремление к юридизации свидетельствует о непреходящей универсальной ценности права.

Весьма показателен в этом отношении советский социально-политический контекст. Новый социалистический строй, коренным образом отличающийся от эксплуататорских социально-экономических формаций, казалось бы, должен породить и принципиально новое «право», не имеющее ничего общего с правовыми системами царского режима и капиталистического окружения. Но произошел ли полный разрыв с прежней правовой традицией? Была ли советская теория права абсолютно уникальной, а обосновываемое ею советское социалистическое право совершенно иным по сравнению с буржуазным?

Предметом рассмотрения в статье будут теоретические подходы к пониманию советского социалистического права в их соотношении с традиционными («буржуазными») концепциями. Безусловно, разрыв между правовой теорией и юридической практикой, существующий всегда, в период советской власти был особенно значим, но в данном случае интерес представляет именно научное (в тот период неизбежно идеологически нагруженное и официально допускаемое) понимание права, поскольку в нем находило свое отражение представление о надлежащем регулировании в условиях социализма. Стремилась ли, хотя бы на уровне теории, облечь новые социальные отношения в традиционные правовые формы или искали для них принципиально иные «одежды»?

От правового нигилизма к теоретическому обоснованию нового пролетарского права

После Октябрьской революции период правового нигилизма, обусловленный верой в скорое построение бесклассового коммунистического общества с общественным самоуправлением, был недолгим. Довольно быстро пришло осознание того, что

¹ Вместе с тем М. ван Хук фактически отрицает наличие у права содержательной автономии (Ноеске 2012: 74), представляя его «институционализированным проявлением всех видов социальных норм» (Ноеске 2012: 70), и в этом с ним сложно согласиться.

диктатура пролетариата, утверждающаяся на месте сломанной буржуазной государственной машины, не сможет удержаться, опираясь «непосредственно на насилие», не будучи связанной «никакими законами» (Lenin 1969: 245). Отрицание необходимости права сменилось поисками его нового понимания. Теоретики права первых лет советской власти (они же, как правило, видные деятели советского государства) в большинстве своем были людьми, получившими до революции классическое юридическое образование и, одновременно, искренне разделявшими и глубоко знавшими марксистско-ленинскую доктрину, а потому и стремились переосмыслить с ее позиций сформированные в университетах представления о праве.¹

Советское государство столкнулось с общими для всех революционных режимов проблемами, связанными с невозможностью одномоментной замены действующего регулирования и необходимостью определения отношения к прежнему праву и возможности его использования в новых условиях. Знаменитый Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. (*Dekret o sude 1917*) предлагал вполне традиционное ее решение: судам предписывалось «руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» (п. 5). Примечательно, что отмененными признавались все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабоче-крестьянского Правительства, а также программам-минимум РСДРП и партии эсеров². Автором последней фразы о противоречии законов программам партий (в то время в советское правительство входили и левые эсеры), как отмечал П. И. Стучка, был В. И. Ленин, и именно она указывала на объективное содержание революционного правосознания (Stuchka 1964d: 233–234).

Идея корректировки законов правосознанием получила развитие в Декрете о суде № 2 от 7 марта 1918 г. (*Dekret o sude 1918*), где такая возможность распространялась уже и на советское законодательство. Верховный судебный контроль, учрежденный в целях достижения единообразия кассационной практики (в его состав входили представители областных народных судов, избранные на срок не свыше одного года), в случае обнаружения неустранимого противоречия между действующим законом и народным правосознанием наделялся правом делать законодательным органам представление о необходимости издания нового соответствующего закона (ст. 6). Устанавливалось, что судопроизводство по гражданским и уголовным делам осуществляется по правилам судебных уставов

¹ Исследователи отмечали, что еще в 1918–20 гг. едва ли не на всех юридических факультетах (факультетах общественных наук) российских университетов преподавали представители старой профессуры по дореволюционным учебникам (Plotniyeks 1978: 83–85). Н. В. Крыленко, критикуя М. А. Рейснера, отказывавшегося рассматривать всякое право исключительно как орудие классовой эксплуатации, абсолютно точно подметил, что «ученые, даже называющие себя коммунистами» не могут «в известных случаях отойти от пуповины, связывающей их с буржуазным строем и с прежними теориями» (Krylenko 1924: 12).

² Программы-минимумы – первые части программ указанных партий, ставящие ближайшие цели свержения самодержавия, установления политической демократии, социализации земель, введения восьмичасового рабочего дня, обеспечения равноправия и самоопределения наций и т. п.

1864 г., если таковые не отменены декретами ЦИК и Совета народных комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов. В последнем случае в решениях и приговорах должны были указываться мотивы отмены судом «устарелых или буржуазных законов» (ст. 8).

Наконец, Декрет содержал специальную часть одиннадцатую «О действующих законах», где в общем виде провозглашался приоритет правосознания над законами. Судам предписывалось руководствоваться действующими донине гражданскими и уголовными законами лишь постольку, поскольку они не отменены декретами ЦИК и Совета народных комиссаров и не противоречат социалистическому правосознанию. При этом суд мог, не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, отвергнуть ссылку на пропуск срока давности или иного срока, и вопреки тем или иным возражениям формального характера, присудить явно справедливое требование. Таким же образом справедливость должна применяться в уголовном суде (ст. 36).

В теоретическом плане в данном подходе усматривали влияние психологической теории права Л. И. Петражицкого, отождествлявшей право с императивно-атрибутивными переживаниями этического долга, которые могли носить и интуитивный характер, то есть не основываться на позитивных нормативных предписаниях (нормативных фактах в его терминологии). Такие интуитивные императивно-атрибутивные переживания Л. И. Петражицкий отождествляет со справедливостью (Petrażycki 2000: 402–403) и утверждал, что справедливость – это и есть право (Petrażycki 2000: 406), а право позитивное (в традиционном, а не петражицкианском его понимании, т.е. законы, обычаи и т.п.) может подвергаться «критике с точки зрения справедливости как некоего высшего масштаба и критерия» (Petrażycki 2000: 404).

Как отмечал П. И. Стучка, принимавший активное участие в разработке Декрета о суде № 1, «нам в нашей революции помогла теория контрреволюционного кадетского профессора Петражицкого» (Stuchka 1964b: 287), подчеркивая при этом глубокие расхождения с ней в обосновании интуитивного права (Stuchka 1964d: 233).

Аналогичным образом высказывался и Е. Б. Пашуканис. Он прежде всего тонко подметил, что «чисто практический вопрос» замены «старой судебной машины» пролетарским судом «немедленно же потребовал решения общей теоретической проблемы о соотношении закона и права». Чтобы ответить на вопрос, на чем будет основываться отправление правосудия «надо было иметь какую-то общую концепцию права, и она была предложена; к сожалению, это не была марксистская концепция права, но позаимствованное у Петражицкого психологическое учение об интуитивном праве. Таким образом, получилось парадоксальное явление, что мера политически правильная и революционная, обосновывалась с помощью теории, которую нельзя назвать ни правильной, ни марксистской» (Pashukanis 1980a: 182).

Позднее какие-либо заимствования из «школы кадетского лидера Петражицкого» (Stuchka 1964d: 233) и даже ее влияние на соответствующие положения Декрета о суде № 1 отвергались по идеологическим соображениям (Strogovich 1966: 86–87; Plotniyevs 1978: 72), но параллели достаточно очевидны.

Обращение к «общим» («немарксистским») теориям права для решения вполне традиционных юридических проблем вряд ли является парадоксальным, но «ножницы» между практикой и теорией» (Pashukanis 1980a: 182) стали активно преодолеваются. Период с середины 1920 до середины 1930 гг. — «золотой век» советской теории права, когда предлагались разнообразные трактовки «нового социалистического права».

Идеи Л. И. Петражицкого с марксистских позиций были переосмыслены М. А. Рейснером (Reysner 1908; Reysner 1925). Он ввел понятие «интуитивного классового права», как правовых требований, складывающихся у каждого класса, и господствующего, и угнетенного, в соответствии с его социальным положением. В любом обществе присутствуют разные системы интуитивного классового права (субъективного права данного коллективного субъекта), тем или иным образом взаимодействуя между собой, в чем-то достигая компромисса, но в основном подчиняясь праву господствующего класса, и формируя в процессе этого взаимодействия общее (объективное) право. Пролетарское право возникает еще при капитализме в виде представлений рабочего класса о справедливом общественном устройстве (Reysner 1925: 20–23). Но только после революции оно становится доминирующим, лишь в незначительной мере допуская (делая ему уступки) интуитивное право иных классов (прежде всего крестьянства и отчасти мелкой буржуазии).

Нельзя не согласиться с В. С. Нерсисянцем в том, что деиндивидуализация субъективного права у М. А. Рейснера исключает индивидуальную свободу и самих свободных индивидов — подлинных субъектов права, что, по сути, означает и отрицание права вообще (Nersesyants 2006: 303, 308, 315–317) («правовое начало оказывается подавленным классовым подходом» (Nersesyants 2006: 317)). Но некая идея права (правовой формы) как компромисса интересов и взаимности отношений (двухсторонней связанности правами и обязанностями) у М. А. Рейснера сохранялась. В определенном смысле М. А. Рейснер пытался юридизировать классовую борьбу, привнести в нее правовой элемент поиска компромисса интуитивных субъективных классовых прав (наиболее наглядно это проявилось в период НЭПа). Именно во взаимной связанности и в этом смысле ограниченности субъективных классовых прав он видел справедливое начало права, отличающее его от власти, базирующейся на идеях целесообразности, единства и прямого подчинения.

П. И. Стучка, как и М. А. Рейснер отрицал легистское отождествление права и закона,¹ а также отказывался от «чисто формальной точки зрения на право». Он видел в нем «не вечную категорию, но меняющееся в борьбе классов социальное явление» (Stuchka 1964c: 59). Воззрения П. И. Стучки нашли отражение в первом легальном определении советского права, включенном в Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, утвержденные Постановлением Народного комиссариата юстиции

¹ «Что закон не обнимает всего права, что он не тождественен с правом — это вещь давно признанная» (Stuchka 1964c: 163).

РСФСР от 12 декабря 1919 г. (*Rukovodyashchiye nachala* 1919), подготовленные под его руководством:

Право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой.
(п. 1)

Данное определение вполне укладывается в формат социологического позитивизма, в рамках которого право в самом широком смысле понимается как принудительно поддерживаемый порядок общественных отношений.

Примечательно предлагавшееся во Введении к Руководящим началам обоснование необходимости права при социализме. Пролетариат, завоевавший власть, не может приспособить для своих целей прежнюю буржуазную государственную машину и «буржуазные кодексы пережитой эпохи». Вооруженный народ справляется со своими угнетателями и без особых правил и кодексов, применяя на первых порах меры насилия без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно. Но «опыт борьбы приучает его к мерам общим, приводит к системе, рождает новое право», позволяя сделать необходимые выводы и обобщения. «В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий, пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов». Только окончательно сломив сопротивление свергнутых классов и «осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство, как организацию насилия, и право, как функцию государства». Признание во Введении права функцией государства находится в противоречии с его пониманием как системы общественных отношений в п. 1, что тоже типично для социологического позитивизма, которому достаточно сложно определиться с соотношением права и государства.

Эти недостатки были сразу подмечены М. А. Рейснером, который упрекал П. И. Стучку, с одной стороны, в невозможности указать на специфику права, поскольку принудительным порядком, соответствующим интересам господствующего класса, может быть любой порядок – моральный, религиозный, экономический, политический, а с другой – в отождествлении права и власти, правового порядка с любым порядком принуждения и насилия (Reysner 1925: 210–211). Такие упреки традиционно адресуются сторонникам социолого-позитивистских концепций права. В целом М. А. Рейснер полагал, что в основе представлений о праве П. И. Стучки лежит «перелицованная» (переосмысленная с классовых позиций) трактовка Р. Иерингом права как защищенных государством интересов (в данном случае – классовых интересов) (Reysner 1925: 37).

Безусловно, теоретическое понимание права у П. И. Стучки более нюансировано. Под общественными отношениями он понимал отношения производства и обмена, а с правом отождествлял не сами эти отношения, а их систему или порядок (Stuchka 1964e: 522). При этом он подчеркивал первичность отношений производства и обмена, и вторичность, производность отношений присвоения или юридических отношений. В юридических институтах он видел «исторически меняющийся тип формы социальных отношений» (Stuchka 1964c: 81).

Несколько позднее наряду с «системой общественных отношений» П. И. Стучка стал писать о праве как о «форме организации общественных отношений, то есть отношений производства и обмена» (Stuchka 1964с: 58). Право, как сложная система, по его мнению, существует в трех видах форм, «из которых одна – конкретная, а две – абстрактные, отвлеченные» (Stuchka 1964с: 120). Конкретная правовая форма совпадает с экономическими отношениями. Первая абстрактная, отождествляемая с законом, может расходиться с ними, порой весьма значительно. Третья форма (она же вторая абстрактная форма) является «интуитивной» (здесь П. И. Стучка заимствует термин Л. И. Петражицкого) и представляет собой внутреннее психическое переживание человека по поводу того или иного общественного отношения, его оценку с точки зрения «справедливости», «внутреннего правосознания», «естественного права» и т. п., другими словами – идеологию (Stuchka 1964с: 122). П. И. Стучка признает «безусловный и непосредственный примат за первой» формой. Она отражается в обеих абстрактных формах. «Но ее правовой характер зависит от последних и влияние последних может оказаться подчас решающим» (Stuchka 1964с: 123).

Правовой характер экономических в своей основе отношений определяется их стилем. «Это означает, что общественные отношения, чтобы стать правовыми должны войти и выровняться в единую систему» (Stuchka 1964с: 123). Под системой П. И. Стучка понимает внутреннюю согласованность, непротиворечивость права. Эта системность присуща каждой из трех форм права, которые и между собой должны быть согласованы (Stuchka 1964с: 124). Все формы права имеют классовый характер:

В конкретном отношении классовый характер вытекает уже из самого распределения средств производства, а соответственно тому – распределения и людей в их взаимоотношениях. Второй системе (закону) классовый характер придает государственная власть класса. В третьей – идеология, сознание класса... В каждой из трех форм происходит борьба с чуждыми им системами интересов... Это и есть классовая борьба. (Stuchka 1964с: 124–125)

Три формы права присутствуют на всем протяжении его истории, но их развитость, значимость и взаимосвязь различны (Stuchka 1964с: 125–127). И «объективные элементы права» всегда надо искать «в конкретных отношениях, а не в их прямом или косвенном отражениях» (Stuchka 1964с: 129).

В понимании права у П. И. Стучки сочетается марксистский экономический детерминизм и характерное для социологического позитивизма представление о множественности форм бытия права в реальных общественных отношениях со всеми сопряженными с этим противоречиями. П. И. Стучка и сам подчеркивает существование целой традиции определения права через социальные отношения, ссылаясь, в частности на С. А. Муромцева (Stuchka 1964с: 163) и Н. М. Коркунова (Stuchka 1964с: 129). В советской теории права она возродится в конце 1960-х – 1970 гг. в виде одного из направлений в рамках так называемого широкого понимания права.

Основным, если не единственным правом П. И. Стучка считал гражданское право (Stuchka 1964е: 521). Оборот товаров на основе «трудового эквивалента»

(равноценности труда, затраченного на их производство), опосредованный договором, порождает формализацию соответствующих отношений, а отсюда и понятия свободных лиц, их формального равенства и формальной правоспособности. Эти правовые понятия, пояснял П. И. Стучка, ловко прикрывают «*классовые противоречия* в правовых отношениях и происходящую под правовой формой свирепую классовую борьбу» (Stuchka 1964a: 421). Эта истина капиталистической экономики, открытая К. Марксом в «Капитале», после победы пролетарской революции становится очевидной и применительно к праву, раскрывая его классовый характер. Существование товарного производства возможно только при наличии частной собственности на средства производства, в связи с чем, по мнению П. И. Стучки, «нелепо было бы говорить о *социалистическом* товарообороте» (Stuchka 1964a: 421). Правовое регулирование имущественных отношений базируется на социалистической собственности. Происходит уточнение старых принципов эквивалентности взаимодействия и его договорного определения, исходя из классового характера права, в том числе и гражданского, при социализме, то есть при безусловном приоритете интересов социализма и рабочего класса перед интересами иных классов (буржуазии, кулаков и спекулянтов) (Stuchka 1964a: 425–426). Классовый характер права предопределяет также отмирание противопоставления права (правомочия) и обязанности, поскольку рабочий класс теперь «находится не на наемном труде у класса капиталистов, а работает на класс рабочих же, так сказать, сам на себя» (Stuchka 1964e: 592).

Таким образом, советское гражданское право демонстрирует едва ли не полный разрыв с «буржуазными правовыми традициями и премудростями» (Stuchka 1964a: 427), но ограничение принципа свободы договора в интересах социально слабой стороны отношения сегодня известно частному праву практически всех стран, а о принципиальном единстве прав и обязанностей, солидаристы писали еще раньше марксистов (Comte 1890: 361; Duguit 1908: 21, 23; Duguit 1909: 8–9).

Н. В. Крыленко свои рассуждения о праве тоже начинает с анализа общественных отношений. Право, по его мнению, «не есть нечто самостоятельное в своем возникновении, содержании и развитии»; оно всегда производно от данных экономических отношений и отражает интересы господствующего класса, «является результатом *классовой борьбы*» (Krylenko 1924: 15–16, 19). В классовом обществе «люди вступая друг с другом в определенные взаимоотношения, живут в условиях определенного *правопорядка*». Этот «социальный *правопорядок*» включает в себя как обычные правоотношения, глубоко воспринятые сознанием подавляющего большинства населения в результате длительной практики и сделавшиеся совершенно непререкаемыми, в силу чего они не нуждаются в закреплении в писаных нормах, так и правоотношения, зафиксированные в писаных нормах законов. И те, и другие правоотношения «одинаково ... охраняются *принудительной силой государства*» (Krylenko 1924: 20).

Однако Н. В. Крыленко критикует П. И. Стучку, который все эти общественные отношения (их систему), в том числе и экономические, производственные, базисные отношения, объявил правом. По мнению Н. В. Крыленко, «право есть лишь выражение

этой системы в писаной или неписаной форме» (Krylenko 1924: 23). Сами по себе общественные отношения правовыми не являются. Правовой характер отношений Н. В. Крыленко увязывал с их общеобязательностью, которую им придет опора на принудительную силу, проистекающая из их закрепления в законе или признания обычаям (Krylenko 1924: 24). Принудительность он считал отличительным свойством права; «вне его нет права» (Krylenko 1924: 28). Отсюда выделяемую П. И. Стучкой третью интуитивную форму права, выражающую правопритязания, не поддерживаемые принудительной силой, Н. В. Крыленко не относил к правовым явлениям, называя ее «потенциальной формой права», «правом в потенции» (Krylenko 1924: 24–25, 35).

Таким образом, «право есть не система общественных отношений, а лишь отражение в писаной или неписаной форме общественных отношений людей друг к другу, опирающихся на принуждение, возникающих, развивающихся и изменяющихся в результате изменения производственных отношений» (Krylenko 1924: 25–26). При этом правовые отношения могут как отставать от развития экономических отношений, так и опережать их (Krylenko 1924: 26–27). По своему содержанию право есть система норм, имеющая своей задачей сначала охранить («при помощи полиции, тюрем и войск»), а затем оправдать («при помощи университетов») существующий правопорядок (Krylenko 1924: 31).

В основе понимания всех социальных институтов, в том числе государства и права (как в целом, так и отдельной правовой нормы), должно лежать признание их классового характера, утверждал Н. В. Крыленко (Krylenko 1924: 13). Право всегда связано с интересами определенного класса: «на всем протяжении всей истории не было и нет ни одной таковой правовой нормы, которая, во-первых, не опиралась бы на принуждение», и, во-вторых, не имела бы «своей задачей эксплуатацию, насилие, господство, утверждение господства одного класса над другим» (Krylenko 1924: 32). «... Не будет классов, не будет права» (Krylenko 1924: 31). Понятие права неразрывно связано, «во-первых, с классовым принципом, во-вторых, с насилием» (Krylenko 1924: 33). В советском праве классовый принцип дополняется принципом партийности: «наши законы – те формы, в которые партия облакает свою волю... Эти законы есть не что иное, как указание партии» (Krylenko 1930: 20).

В конечном счете Н. В. Крыленко дает следующее определение:

Право есть выражение в писаной форме действующего закона и неписаной форме обычного права, – выражение тех общественных отношений людей друг с другом, которые сложились на основе производственных отношений данного общества, имеют своим содержанием регулирование этих отношений в интересах господствующего в данном обществе экономического класса и охраняются принудительной его силой. (Krylenko 1924: 33)

Весьма противоречиво понимание Н. В. Крыленко государства и его соотношения с правом. Определяя право, как «отражение в писаной или неписаной форме реальных общественных отношений», он и государство трактовал как «те же определенным порядком организованные и принудительно поддерживаемые общественные отношения», и специально подчеркивал недопустимость

«юридического» представления о государстве как о «механизме» или «машине» (Krylenko 1924: 79). Из этого, казалось бы, следует едва ли не тождественность права и государства, но одновременно писаная форма придается праву государством и охраняется оно «принудительной силой господствующего класса» (Krylenko 1924: 178), то есть государством (Krylenko 1924: 20), которое в конце концов определяется Н. В. Крыленко «как система учреждений, являющихся в общем и целом аппаратом принуждения и насилия [т.е. все же механизмом и машиной – Н. В.], при помощи коих господствующий класс охраняет свое политическое и экономическое господство и держит в повиновении остальные, ведущие с ним борьбу классы населения» (Krylenko 1924: 178).

В целом представления Н. В. Крыленко о праве сочетают в себе элементы социологизма, легизма (при его явном доминировании)¹ и даже юснатурализма (необходимость оправдания существующего правопорядка). Такую же эклектику мы увидим в определении права, предложенном А. Я. Вышинским в 1938 г.

Е. Б. Пашуканис так же, как и П. И. Стучка, объяснял право через социальные отношения, специфику определенных социальных отношений. Но при этом он критиковал П. И. Стучку за то, что тот понимал право как систему любых социальных отношений, отвечающих интересам господствующего класса и обеспечиваемых его организованной силой, что не указывает позволяет выявить специфику собственно правовых отношений.² Это не дает возможности «ответить на ядовитый вопрос проф. Рейснера, каким образом социальные отношения превращаются в юридические институты или каким образом право превращается в самого себя» (Pashukanis 1980b: 75). Специфические черты права, по мнению Е. Б. Пашуканиса, можно выявить, если понимать его как форму отношений производства и обмена (Pashukanis 1980b: 57). Истоки права он видел в товарном хозяйстве, а его назначение – в обслуживании товарообмена. При этом именно рассуждения Е. Б. Пашуканиса о праве и судьбе права при социализме представляются наиболее соответствующими марксистской доктрине.³ Вслед за К. Марксом он полагал, что в отношениях обмена сосредоточены «как в фокусе самые существенные моменты как для политической экономии, так и для права» (Pashukanis 1980b: 113). По его мнению, материальная основа наиболее характерных для буржуазного права категорий, таких как субъект права, собственность, договор и т. д. вскрывается в явлении обмена (Pashukanis 1980a: 187).

¹ Н. В. Крыленко в целом солидаризируется с позицией И. П. Подволоцкого (Krylenko 1924: 21–25), который придерживается легистского и этатистского понимания права: «Право представляет собой систему принудительных социальных норм, отражающих экономические и другие общественные отношения данного общества, норм, вводимых и охраняемых государственной властью господствующего класса для санкционирования, регулирования и закрепления этих отношений и, следовательно, закрепления господства данного класса» (Podvolotskiy 1923: 156).

² Указание на их защиту организованной силой господствующего класса, то есть государства Е. Б. Пашуканиса не устраивало (Pashukanis 1980b: 77).

³ Зарубежные исследователи подчеркивали утопизм теории Е. Б. Пашуканиса; принципы подлинного марксизма оказались неприменимыми в послереволюционный период (Ludwikowski 1987: 327).

Основную предпосылку правового регулирования Е. Б. Пашуканис усматривал в противоположности частных интересов и наличии товарно-денежного хозяйства, поскольку только тогда

... юридический субъект имеет свой материальный субстрат в лице эгоистического хозяйствующего субъекта, которого закон не создает, но находит. Там же, где этот субстрат отсутствует, соответствующее юридическое отношение *a priori* немислимо. (Pashukanis 1980b: 73, 85)

Исторически именно в обменных отношениях появляется идея «субъекта как абстрактного носителя всех возможных правоприязаний» и «рождается абстрактная правовая форма, т.е. способность иметь право вообще отделяется от конкретных правоприязаний», «создается возможность абстрагироваться от конкретных различий между субъектами прав и подвести их под одно родовое понятие» (Pashukanis 1980b: 110). Отношение двух товаровладельцев – это «реальная основа для всего богатства юридических конструкций» (Pashukanis 1980a: 191). Сущностью права является «свободный договор между независимыми производителями» (Pashukanis 1980b: 116). Договор – «одно из центральных понятий в праве... Он входит составной частью в идею права» (Pashukanis 1980b: 113).

Е. Б. Пашуканис отрицал возможность определения права через закон как веление власти:

Для анализа основных определений права нет надобности исходить из понятия закона и пользоваться им как путеводной нитью, ибо само понятие закона (как веления политической власти) есть принадлежность такой стадии развития, где произошло и углубилось разделение общества на гражданское и политическое и где, следовательно, уже реализовались основные элементы правовой формы. (Pashukanis 1980b: 38)

Более того, он обосновывал принципиальное различие политического властвования в зависимости от того, осуществляется оно в условиях рыночных отношений или нет. В первом случае оно производно от рыночных отношений, обусловлено ими, является их гарантом, а потому с необходимостью принимает абстрактную правовую форму и «отчетливый юридический характер публичности», преследуя «безличный интерес порядка». В отсутствие рыночных отношений государство как организация классового господства «не требует правового истолкования и по сути не допускает его». Здесь «царит так называемый *raison d'état*, т.е. принцип голой целесообразности» (Pashukanis 1980b: 130–131).

Буржуазное право Е. Б. Пашуканис считал наиболее развитым, «чистым» и последним типом права. Пролетариат может лишь использовать буржуазное право в переходный после революции период, но никакого нового пролетарского права быть не может. «...Мораль, право и государство, – писал он, – суть формы буржуазного общества. Если пролетариат вынужден ими пользоваться, то это вовсе не означает возможности дальнейшего развития этих форм в сторону наполнения их социалистическим содержанием. Они не способны вместить это содержание и должны будут отмирать по мере его развития» (Pashukanis 1980b: 152). Он акцентировал «гораздо более важную вне-правовую, вне-законную, вне-

юридическую силу государства, которая направляется на защиту классового господства всеми средствами и вне всяких юридических форм» (Pashukanis 1980a: 193). Движение к коммунизму Е. Б. Пашуканис вслед за К. Марксом представлял «не как переход к новым формам права, а как отмирание юридической формы вообще» (Pashukanis 1980b: 55). Соответственно этому он предлагал отказаться от использования традиционных буржуазных правовых категорий и принципов при регулировании новых социалистических отношений.

По мнению Е. Б. Пашуканиса, уголовная юстиция буржуазного государства – «это организованный классовый террор» (Pashukanis 1980b: 165). «... По своему содержанию и характеру карательная деятельность власти есть орудие охраны классового господства». Но в обществе, основанном на эквивалентном обмене, она приобретает юридическую форму, и классовая борьба осуществляется как уголовная юрисдикция (Pashukanis 1980b: 167). «Уголовное право, так же, как и право вообще, – полагал он, – есть форма общения эгоистических обособленных субъектов, носителей автономного частного интереса или идеальных собственников» (Pashukanis 1980b: 178). Реализация принципа эквивалентности в уголовном праве – одно из проявлений «правового государства как идеальной формы общения независимых и равных товаропроизводителей, сталкивающихся на рынке» (Pashukanis 1980b: 168). «Абстракция нарушенного публичного интереса» опирается здесь «на вполне реальную фигуру пострадавшего» (Pashukanis 1980b: 168), требующего «воздаяния», а значит и уголовный процесс «неотделим от более общей формы сделки». Если отбросить эту форму сделки, то уголовный процесс лишается его «юридической души» (Pashukanis 1980b: 169).

В отсутствии эквивалентных отношений уголовное право утрачивает всякий смысл (Pashukanis 1980b: 167). Наказание Е. Б. Пашуканис предлагал заменить юридически нейтральным медицинско-педагогическим воздействием, которое соотносится не с соразмерностью содеянному, а с целями сохранения общества и перевоспитания преступников, и соответственно может применяться независимо от их вменяемости и вины (Pashukanis 1980b: 170–171). На смену уголовно-процессуальным гарантиям подсудимому, которые Е. Б. Пашуканис уподоблял правилам «добросовестного коммерческого оборота», должны прийти разумные социально-технические правила (Pashukanis 1980b: 177). Судебные процессы и судебные приговоры становятся излишними; «исправительно-трудовое воздействие перестанет быть простым “юридическим следствием” судебного приговора ..., но сделается совершенно самостоятельной общественной функцией медицинско-педагогического порядка». Больше нет необходимости фиксировать в законе составы преступлений и соответствующие им наказания, требуется «точное описание *симптомов*, характеризующих общественно опасное состояние» и разработка «тех *методов*, которые нужно в каждом данном случае применять для того, чтобы обезопасить общество» (Pashukanis 1980b: 174–175).

Е. Б. Пашуканис отмечал (Pashukanis 1980b: 176), что Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. отказались от принципа виновности в совершении деяния как основания для назначения наказания, а само наказание

трактуют не как возмездие за вину или искупление вины, а как целесообразную оборонительную меру (п. 10). Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (*Ugolovnyy kodeks 1922*) не знает понятия вины, хотя и устанавливает, что наказанию подлежат только лица, действовавшие умышленно или по неосторожности (ст. 11); наряду с наказаниями Кодекс предусматривает и меры социальной защиты, которые могут заменять наказание или следовать за ним (ст. 46). Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик, утвержденные Постановлением Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. (*Osnovnyye nachala 1924*) уже не используют термин «наказание», заменяя его термином «меры социальной защиты судебно-исполнительного характера» (ст. 4–6, 13). Пашуканис поясняет:

Наказание предполагает четко зафиксированный состав преступления. Мера социальной защиты в нем вовсе не нуждается. ... [Она] есть акт чистой целесообразности и как таковой может регулироваться техническими правилами. Эти правила могут быть более или менее сложны в зависимости от того, ставится ли целью механическое устранение опасного члена общества или же его исправление (Pashukanis 1980b: 178).

Е. Б. Пашуканис отнюдь не был первым, кто предпринял попытку переосмысления уголовного права таким образом. Дискуссии в подобном направлении активно велись до революции и не только в рамках марксизма (Pashukanis 1980b: 175, 179), идут они и сегодня, причем под лозунгом гуманизма (Lacey & Pickard 2015a; Lacey & Pickard 2015b).

В гражданском праве, по мнению Е. Б. Пашуканиса, не следует признавать «никакой абсолютной правоспособности и никаких неприкосновенных субъективных прав», ибо это означало бы признать «неприкосновенность капиталистической эксплуатации» (Pashukanis 1980a: 184). Он подчеркивал «противоположность социалистической плановости и эквивалентного начала» (Pashukanis 1980a: 188) и объяснял необходимость защиты гражданских прав, непосредственно не связанных с развитием производительных сил (например, права на возмещение вреда или на алименты), недостаточностью развития планового хозяйства, социального обеспечения и социального страхования (Pashukanis 1980a: 185–186).

В своих рассуждениях о постреволюционном порядке Е. Б. Пашуканис был, пожалуй, наиболее последователен и откровенен.¹ Это дало В. С. Нерсесянцу все основания охарактеризовать его теорию как «некролог о праве» (Nersesyants 2006: 255). Но разработанная самим В. С. Нерсесянцем на излете советской власти либертарная концепция права, основывающаяся на марксистско-ленинском историко-материалистическом учении (Nersesyants 1983: 330), во многих отношениях воспроизводит представления Е. Б. Пашуканиса о буржуазном праве. Как и Е. Б. Пашуканис, В. С. Нерсесянец следует давней традиции (восходящей еще к Дж. Локку), увязывающей существование права с наличием частной собственности и свободного эквивалентного обмена:

¹ Впрочем, последователен Е. Б. Пашуканис был не до конца. Отвечая на критику П. И. Стучки, он признает наличие в переходный период советского права «особой, специфической природы, вытекающей из его революционного происхождения» (Pashukanis 1980a: 188–189).

Формирование и развитие свободной, независимой, правовой личности необходимым образом связаны с признанием человека субъектом отношений собственности, собственником средств производства... Где нет собственности, там не только нет, но и в принципе невозможны свобода и право (Nersesyants 1996: 16–17).

Его понимание права как исторически определенной и объективно обусловленной формы бытия свободы в социальных отношениях, формально равной меры свободы их участников, формального равенства в свободе (Nersesyants 1983: 342–343) четко коррелирует с меновой концепцией права Е. Б. Пашуканиса. Аналогичные представления о праве развивал и Л. С. Мамут (Mamut 1987; Mamut 1989b), тоже глубокий исследователь трудов К. Маркса (Mamut 1979).

В. С. Нерсисянц исходил из того, что «круг отношений, имеющих правовую форму, исторически изменчив и отражает историческую эволюцию от деления на свободных и несвободных до признания формальной свободы всех» (Nersesyants 1983: 343), и считал буржуазное право наиболее развитым, когда обеспечивается всеобщность действия принципа формального равенства. Однако в отличие от Е. Б. Пашуканиса у В. С. Нерсисянца «буржуазное право» не уничтожается (отмирает и т. п.), а, напротив, продолжает свое развитие в направлении дальнейшей универсализации, распространения регулятивного воздействия на новые сферы отношений, в том числе выходя за национальные границы.

Вместе с тем, различие права и закона и объяснение первого через равную свободу участников соответствующих отношений имеет давнюю (и отнюдь не марксистскую) традицию в философско-правовой мысли, что прекрасно показано самим В. С. Нерсисянцем (Nersesyants 1983). В частности, Ф. Цейллер писал:

Человек необходимо мыслит о себе как о существе свободно действующем, т.е. как о лице, ... [и он не может употреблять других лиц] как простые средства для своих намерений, но с ними должен поступать как с лицами..., [и потому] никто не может притязать на неограниченную свободу своих внешних и на них влияние имеющих деяний. Ограничение свободы каждого лица порознь под таким условием, что другие вместе с ним как лица состоять могут есть право. ... [Если люди] хотят друг подле друга свободно действовать, то ... каждый из них должен ограничить свою свободу во внешнем употреблении по крайней мере столько, чтобы и прочие свободно действовать могли (Zeiller 1809: 3–4).

Ф. Цейллер добавляет, что «всякое деяние наше правомерно, которое со всеобщую свободную деятельностью (всех прочих) совместно быть может; деяния же с оною не соответствующие суть неправомерны» (Zeiller 1809: 5). Очевидно, что здесь пересказан категорический императив И. Канта, который в рамках либеральной традиции кладется в основу понимания права.

Неслучайно Б. Мелкевик, подчеркивая, что Е. Б. Пашуканис – это единственный марксист, «который внес значительный вклад в философию права» (Melkevīk 2016: 11–12), замечает, что он «был бы вероятно ошеломлен, наблюдая судьбу своего труда,

ценного именно внутри либеральной парадигмы права, которую он, без сомнений, отверг бы без всякого раздумья» (Melkevik 2016: 9).¹

«Официальное» определение советского социалистического права 1938 г. и его интерпретации

«Разброд и шатания» в теории права первых двух десятилетий советской власти завершились печально известным I Всесоюзным совещанием по вопросам науки советского государства и права, состоявшемся 16–19 июля 1938 г. в Институте права АН СССР (Mamut 1989a; Nersesyants 2006: 353–385). На нем было «узаконено» следующее сформулированное А. Я. Вышинским определение:

Советское право есть совокупность правил поведения, установленных в законодательном порядке властью трудящихся, выражающих их волю, и применение которых обеспечивается всей принудительной силой социалистического государства в целях защиты, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных трудящимся, полного и окончательного уничтожения капитализма и его пережитков в экономике, быту и сознании людей, построения коммунистического общества. (*Osnovnyye zadachi nauki* 1938: 183)

Данное определение, фактически ставшее на долгие годы официальным и общеобязательным, причудливо сочетало в себе элементы различных типов правопонимания. Основа из классического легизма («совокупность правил поведения, установленных в законодательном порядке властью трудящихся, применение которых обеспечивается всей принудительной силой социалистического государства») дополнялась некоторой долей социологического позитивизма (выражение воли трудящихся) и содержательно обосновывалась (оправдывалась) классовой концепцией справедливости («в целях защиты, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных трудящимся, полного и окончательного уничтожения капитализма и его пережитков в экономике, быту и сознании людей, построения коммунистического общества»).

По мере дальнейшего использования данного определения в юридической науке и образовании, его идеологическая составляющая – выражение воли трудящихся (всего народа) и цели коммунистического (социалистического) строительства – постепенно приобретала сугубо ритуальное значение. Студенты изучали, а ученые комментировали и развивали легистское понимание права как совокупности правил поведения, установленных или санкционированных государством, применение которых обеспечивается мерами государственного принуждения. Во многом (по крайней мере в юридическом образовании) так дело

¹ Известны и иные оценки концепции Е. Б. Пашуканиса, тоже весьма показательные. А. Негри пишет, что «целый ряд интерпретаторов-современников юридической мысли Пашуканиса настаивали, скорее, на реалистических выводах из нее, нежели принимали фундаментально революционную тональность его творчества; точнее говоря, они пытались вписать его творчество в ревизионистское и просто обновленное русло в рамках действующих теорий буржуазного права, квалифицируя его творчество как социологическую и институциональную версию последнего» (Negri 2017: 307).

обстоит и сегодня. На практике же возобладала «социологическая составляющая» определения 1938 г. О принятых законах помнили до тех пор, пока они были «выгодны и угодны» власти, воля которой имела определяющее значение, независимо от ее выражения в законе. На деле выходило, что законы «действуют там, тогда и так, где, когда и как это целесообразно, и бездействуют, нарушаются, игнорируются во всех остальных случаях» (Nersesyants 1992: 213).

М. Антонов полагает, что в основе советского правопорядка лежало сочетание двух теоретических подходов – формализма (этатизма, классического легизма), в рамках которого необходимо строго следовать закону, установленному властью, и децизионизма, когда определяющее значение имеет конкретное решение власти, обусловленное ее интересами (ее представлениями об интересах народа и социалистического (коммунистического) строительства). Оба эти подхода не являются уникально советскими и в той или иной мере просматриваются в любой правовой системе (Antonov 2021: 9–10, 22–24, 29–51). Западные исследователи описывают развитие советской юриспруденции как «эволюцию от революционного нигилизма к правовому реализму» (Ludwikowski 1987: 325).

Изменение политической ситуации в стране после смерти И. В. Сталина позволило возобновиться дискуссиям о понимании советского права, естественно, по-прежнему в рамках марксистской идеологии, с которой, впрочем, тоже произошли весьма примечательные метаморфозы. Третья Программа КПСС, принятая на XXII съезде партии, констатировала превращение диктатуры пролетариата в общенародное государство, «в орган выражения интересов и воли всего народа», которое, однако, так же, как и право, «сохранится до полной победы коммунизма» (*Programma Kommunisticheskoy partii* 1973: 101). Большое значение придавалось «дальнейшему укреплению социалистического правопорядка, совершенствованию правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу, содействующих решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности» (*Programma Kommunisticheskoy partii* 1973: 105). Эти идеи нашли отражение и в Конституции СССР 1977 г., преамбула которой закрепляла общенародный характер государства, социально-политическое и идейное единство советского общества, формирование новой исторической общности – советского народа (*Konstitutsiya SSSR* 1977).

Концепция общенародного государства и права означала окончательный теоретический разрыв с классическим марксизмом, рассматривающим государство и право как орудия классовой борьбы. Естественно, в отечественной науке это не признавалось, однако западными исследователями подчеркивалось (Ludwikowski 1987: 331–333).¹ Фактически в период развитого социализма все указания на особую классовую природу советского социалистического права носили ритуально-

¹ «Социалистическая теория права оказалась в ловушке. Классовое право без классов было противоречивым понятием. Если право – это ни что иное как инструмент классового господства, оно может существовать только в обществе, расколотом на противоположные классы... Тезис об отмирании права основывается на сомнительном утверждении, что правила, которые служат любой другой цели, а не классовому угнетению, не могут быть правом» (Ludwikowski 1987: 331).

пропагандистский характер и сказывались на развитии юридической науки лишь в плане идеологических ограничений.¹

Определение права 1938 г., как уже отмечалось, функционировало в юридической науке прежде всего в своей классически легистской составляющей. Одной из ключевых в советской теории права была категория законности (социалистической законности), которая предполагала требование строгого и неуклонного исполнения законов и иных нормативных актов всеми государственными органами, общественными организациями и гражданами (Манов 1970: 502–504; Lukasheva 1973: 27; Alekseyev 1981: 217–223, 225–228). Принцип социалистической законности нашел закрепление и в Конституции СССР 1977 (ст. 4).

Немногие советские юристы акцентировали такой аспект принципа законности как верховенство закона, обычно он упоминался сугубо декларативно. Однако М. С. Строгович включал в определение законности только требование строгого и неуклонного соблюдения законов – нормативных актов Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик. Акты иных государственных органов, указывал он, являются подзаконными, издаются на основе и во исполнение законов в пределах компетенции соответствующего органа, определенной опять-таки законом. Все они должны соответствовать законам. Поэтому неисполнение подзаконного акта одновременно есть и неисполнение закона, нарушение принципа законности (Strogovich 1966: 11–14), «но это вовсе не означает, что подзаконные акты могут быть поставлены в один ряд с законами, приравнены к ним: подзаконные акты потому и являются подзаконными, что они подчинены законам, должны соответствовать законам, и именно из их соответствия законам проистекает их обязательная сила, обязательность их соблюдения и исполнения» (Strogovich 1966: 14). Издание государственным органом акта, не соответствующего закону, а равно исполнение этого акта есть нарушение законности (Strogovich 1966: 14).

В рассуждениях М. С. Строговича просматривается аналогия с концепцией Г. Кельзена, где право предстает как «иерархическая структура выше- и нижестоящих норм» (Kelsen 2015: 249), а действительность правовой нормы увязывается с ее соответствием норме более высокого иерархического уровня, с ее созданием определенным, предусмотренной этой нормой способом (Kelsen 2015: 240–247).

М. В. Цвик предлагал своего рода естественно-правовое обоснование верховенства закона. Оно обусловлено прямым и непосредственным выражением в законе воли народа, регулированием им наиболее важных, коренных общественных отношений, изданием его в особом законодательном порядке полномочным и наиболее авторитетным органом государственной власти – Верховным Советом, которому подчинены все другие государственные органы (Petrishin et al. 2011: 260–261).

¹ Западные исследователи обращали внимание на то, что их советские коллеги не очень серьезно относятся к марксистской риторике, которую они используют в своих произведениях и выступлениях, хорошо понимая, что прагматичный подход к марксизму в советском обществе лишил эти «священные книги» их истинного содержания (Ludwikowski 1987: 324).

Но данные подходы не получили распространение. В теории и на практике широко использовалось понятие «законодательство» (Lukasheva 1973: 416), в котором уравнивались и отождествлялись законы и подзаконные акты, что позволяло корректировать законы вне формального законодательного процесса, посредством издания «уточняющих» подзаконных актов.

М. С. Строгович подчеркивал, что «абсолютно недопустимо, нетерпимо, ссылаясь на существование отдельных неудачных законов, колебать силу всех законов, всей законности, ослаблять уважение к советским законам, поощрять нарушение законности». При этом он не соглашался с тем, что западные исследователи причисляли его к сторонникам позитивизма, поскольку это «буржуазная школа права» (Strogovich 1966: 25).

Интересна попытка В. А. Туманова представить марксистскую версию естественно-правовой доктрины.¹ По его мнению, «за нечто подобное естественному праву» можно принять «основополагающие принципы существующего социально-экономического строя», которые связывают и обуславливают правотворческую деятельность государства (Tumanov 1971: 343). В качестве своего рода аналога естественно-правовой школы в ее «материалистическом истолковании» он предлагал рассматривать «марксистское учение о правосознании, правовых идеалах и правах человека». При этом В. А. Туманов подчеркивал, что марксистская теория отказывается видеть в соответствующих идеях, идеалах и ценностях «первооснову права» и трактует их «не как априорные, врожденные “эйдетические” и т. п., а как социально обусловленные» (Tumanov 1971: 344).

Марксизм не отвергает идею естественных прав человека, утверждает В. А. Туманов, и с марксистских позиций «было бы неправильно рассматривать эти права лишь как производное от воли государства или рефлекс объективного права». По его мнению, «связывая права человека с самим фактом его общественного бытия, марксизм близок революционной естественно-правовой доктрине неотчуждаемых прав человека и гражданина. Однако если эта последняя выводила права человека из его “естественной природы”, то марксизм идет от “социальной природы” человека, т. е. от его положения в обществе, и прежде всего в процессе общественного производства». При этом «марксизм подчеркивает необходимость постоянного развития прав и свобод человека, основой чего является дальнейшее социально-экономическое развитие общества и переход от капиталистической формации к формации более высокого типа» (Tumanov 1971: 346). Таким образом, «марксистская теория отрицает не сам ценностный подход к праву, а идеалистическую и телеологическую аксиологию, когда мир ценностей отделяется от мира сущего как область субъективного, индетерминированного, подчас иррационального и ценности оказываются не в ряду социальных векторов права, а в ряду его трансцендентальных и телеологических предпосылок» (Tumanov 1971: 347). Но для марксистского правоведения «важно показать воплощение и конкретизацию общественных идеалов

¹ В. А. Туманов рассказывал, что именно эти положения его монографии, подвергались особой критике и с трудом прошли «идеологическую цензуру».

и ценностей в праве, его ведущих институтах, процессе его реализации» (Туманов 1971: 349).

Следует заметить, что проблематикой прав человека советская юридическая наука начала активно заниматься лишь в конце 1970-х гг., когда на Западе развернулась компания критики их нарушений при социализме. Социалистическая концепция прав человека, разработанная в противовес западным доктринам, нашла отражение в коллективной монографии, подготовленной в середине 1980-х гг. учеными из СССР и стран народной демократии (Chkhikvadze & Lukasheva 1986).

Авторы отвергали «буржуазное» понимание прав человека как «естественных», «прирожденных», «вечных», «неизменных» «универсальных». Права человека – это социально-экономически детерминированные возможности, предоставляемые людям в экономической, социальной, политической, культурной жизни в соответствии с их классовым (сословным) положением, которые неуклонно расширяются по мере развития общества. Права существуют в неразрывном единстве с обязанностями человека и его ответственностью перед обществом; они направлены не на обособление человека от общества, а на его вовлечение в решение государственных и общественных дел. Все права человека – экономические, политические, социальные и культурные – однопорядковы и в равной мере важны для нормальной жизнедеятельности человека. Они обретают свое реальное действие только будучи закрепленными в законодательстве и обеспеченными системой государственных гарантий (Chkhikvadze & Lukasheva 1986: 6–11).

Такая интерпретация прав человека во многом перекликается с представлениями о них, развивавшимися в российской дореволюционной науке, в трудах евразийцев и, как это ни странно, с современными тенденциями развития понимания прав человека на Западе (Varlamova 2018).

Весьма показательна дискуссия о понимании советского права, которая состоялась на круглом столе, организованном в Институте государства и права АН СССР в 1979 г., и нашла отражение на страницах журнала «Советское государство и право» (*O ponimanii sovetskogo prava* 1979). В отечественной литературе она традиционно представляется как дискуссия между сторонниками «узкого» и «широкого» подходов к пониманию права, которая велась с начала 1960-х гг. (Nersesyants 1983: 356–358; Nersesyants 2006: 385–399). Приверженцы «узкого» («узконормативного») подхода отстаивали легистскую версию определения советского права 1938 г. «Широкий» подход объединял сторонников различных трактовок права – от социолого-позитивистских (включавших в понятие права помимо норм правоотношения и правосознание, которые, однако, в отличии от классических социологических концепций, рассматривались как феномены, не первичные по отношению к законодательству, а производные от него)¹ до непозитивистских, основанных на различении права и закона, тяготевших к естественно-правой школе или формирующейся либертарной концепции. Но все

¹ Зарубежные комментаторы отмечали, что критики «чистого нормативизма» пытались разработать плюралистическую концепцию права, которая сочетала бы психологический, нормативный и социологический компоненты в понимании права (Ludwikowski 1987: 335).

предлагавшиеся советскими учеными определения советского права (если отвлечься от акцентирования его классового и принципиально иного, прогрессивного характера) в общем и целом соотносились с традиционными концепциями права. Не случайно в своей работе, посвященной буржуазным правовым учениям, В. А. Туманов постоянно сопоставлял с ними марксистские представления о праве, и сквозь критику просматривались весьма отчетливые пересечения (Туманов 1971: 186–192, 342–350).

Заключение

В. С. Нерсесянц характеризовал теоретические построения М. А. Рейснера как попытку выразить коммунистическую мифологию в юридических категориях (Nersesyants 2006: 314). Думается, эта оценка может быть отнесена практически ко всем советским теориям права. Для обоснования «нового права» они использовали «классово препарированный словарь отрицаемого “старого права”» (Nersesyants 2006: 255). В. С. Нерсесянц называл это «злоупотреблением юридическим словарем», порождающим «терминологическую путаницу при освещении с помощью правовых категорий неправовых явлений» (Nersesyants 2006: 245). Но ведь само стремление юридизировать установленный революцией порядок, придать ему хотя бы видимость правопорядка весьма показательны!

Е. Б. Пашуканис призывал к выявлению социально-классового содержания формальных юридических категорий, обоснованно полагая, что увлечение их формальным истолкованием чревато опасностью «известного рецидива юридической идеологии, подкрашенной в защитные марксистские цвета» (Pashukanis 1980a: 192). К счастью, полностью советской теории права этого избежать не удалось, именно поэтому, пусть и с известными оговорками, она осталась правовой теорией.

После крушения советской власти отечественная теория права удивительно быстро и легко вернулась на «столбовую дорогу» западной правовой мысли. Конечно, годы изолированного развития привели к ее серьезному отставанию в смысле малого знакомства российских теоретиков права с работами своих западных коллег и вовлеченности в обсуждаемые ими проблемы¹, но практически все развиваемые отечественными учеными концепции права прекрасно «укладываются» в базовые типы правопонимания (Varlamova 2009).

Р. Давид, выделяя социалистическое право в отдельную правовую семью, тем не менее отмечал его известное сходство с романской системой, в частности, сохранение ее терминологии, структуры, концепции правовой нормы, в связи с чем многие исследователи отказываются признавать оригинальность советского права и

¹ Впрочем, связи с западной юридической наукой никогда окончательно не утрачивались. Западные юристы подмечали, что советские теоретики права с большим энтузиазмом рассуждали о работах Р. Иеринга, Г. Еллинека, Л. Дюги, Л. И. Петражицкого, Г. Кельзена, Г. Харта и Л. Фуллера, чем П. И. Стучки, Е. Б. Пашуканиса или А. Я. Вышинского, и объясняли это тем, что критически исследовать различные буржуазные концепции права гораздо безопаснее, чем заниматься анализом марксистской теории (Ludwikowski 1987: 323–322).

относят его к романской традиции (David & Jauffret-Spinosi 1996: 113). Думается, для этого есть основания. Более того, западная правовая традиция в принципе едина. Несмотря на серьезные юридико-технические различия между континентальной (романо-германской) и англо-саксонской (общего права) правовыми семьями, сформировавшиеся там правовые концепты отличается общностью существенных характеристик (Wieacker 1990: 6).

Т. Гьяро в статье с характерным названием «Правовая традиция Восточной Европы: Эпитафия» убедительно показал, что, несмотря на все сложности правового развития государств Восточной Европы и их взаимоотношений с западными странами, сегодня так называемой восточной правовой традиции в Европе не существует и «правовую окцидентализацию» Восточной Европы можно считать завершенной (Giago 2006: 146–147).

В России и странах Центральной и Восточной Европы период социализма оказался боковым и, в целом, тупиковым ответвлением в развитии теории права и юридической практики, но проделанный путь не был бесполезным, поскольку в ходе него право обогатилось новым социальным опытом и очередной раз продемонстрировало свою необходимость и устойчивость.

Библиография:

- Alekseyev, Sergey. (1981). *Obshchaya teoriya prava. Tom. I* [from Rus.: General theory of law. Vol. I]. Moskva: Yuridicheskaya literatura.
- Antonov, Mikhail. (2021). *Formalism, Decisionism and Conservatism in Russian Law*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff.
- Chestnov, Il'ya. (2012). *Postklassicheskaya teoriya prava* [from Rus.: Postclassical theory of law]. Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy Dom "Alef-Press".
- Chkhikvadze, Viktor & Lukasheva, Elena (red.). (1986). *Sotsialisticheskaya kontseptsiya prav cheloveka* [from Rus.: Socialist concept of human rights]. Moskva: Nauka.
- Comte, Auguste. (1890). *Système de politique positive ou Traité de sociologie, instituant la religion de l'humanité*. I. Paris: Mathias.
- Giario, Tomasz. (2006). Pravovaya traditsiya Vostochnoy Evropy: Epitafiya [from Rus.: Legal tradition of Eastern Europe: Epitaph]. V *Tsivilisticheskiye issledovaniya: Ezhegodnik grazhdanskogo prava. Vypusk 2*. [from Rus.: Civilian Studies: Yearbook of Civil Law. Issue 2]. Moskva: Statut, 127–147.
- David, René, Jauffret-Spinozi, Camille. (1996). *Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti* [Fr.: David, René & Jauffret-Spinozi, Camille. (1992). Les grands systemes de droit contemporains]. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- Dekret o sude* № 1, 24 November 1917 [from Rus.: Decree on the court No. 1 of November 24, 1917]. *Sobraniye uzakoneniye RSFSR*. [from Rus.: Collection of legislation of the RSFSR] 1917. No. 4. Art. 50.
- Dekret o sude* № 2, 7 March 1918 [from Rus.: Decree on the court number 2 of March 7, 1918]. *Sobraniye uzakoneniye RSFSR* [from Rus.: Collection of legislation of the RSFSR]. 1918. No. 26. Art. 420.
- Duguit, Léon. (1908). *Konstitutsionnoye pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Fr.: Duguit, Léon (1907). Manuel de Droit Constitutionnel: Théorie Générale de L'état]. Moskva: Tipografiya tovarishchestva I.D. Sytina.
- Duguit, Léon. (1909). *Sotsial'noye pravo, individual'noye pravo i preobrazovaniye gosudarstva* [Fr.: Duguit, Léon. (1908). Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'État. Paris: Félix Alcan]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Vil'de.
- Hoecke Van, Mark. (2012). *Pravo kak kommunikatsiya* [From Rus.: Law as communication]. Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta; OOO "Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium".
- Isayev, Nikolay & Chestnov, Il'ya (eds.) (2015). *Sotsiokul'turnaya antropologiya prava* [from Rus.: Sociocultural Anthropology of Law]. Sank-Peterburg: Izdatel'skiy Dom "Alef-Press".
- Kelsen, Hans. (2015). *Chistoye ucheniye o prave* [Germ.: Reine Rechtslehre]. Sankt-Peterburg: OOO Izdatel'skiy Dom "Alef-Press".
- Konstitutsiya SSSR, 7 October 1977* [from Rus.: The Constitution of the USSR]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [from Rus.: Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR]. 1977. No. 41. Art. 617.
- Krylenko, Nikolay. (1924). *Besedy o prave I gosudarstve. Lektsii, chitannyye na kursakh sekretarey ukomov pri TsK RKP(b)* [from Rus.: Conversations about law and state. Lectures given at the courses of the secretaries of the Ukoms under the Central Committee of the RCP (b)]. Moskva: Izdatel'stvo "Krasnaya Nov".
- Krylenko, Nikolay. (1930). O revolyutsionnoy zakonnosti. Rech' tov. Krylenko na XVI parts"yezde [from Rus.: On revolutionary legality. Speech by Comrade Krylenko at the 16th Party Congress]. *Sovetskaya yustitsiya* [from Rus.: Soviet Justice] (24–25): 20–21.
- Lacey, Nicola & Pickard, Hanna. (2015a). The Chimera of Proportionality: Institutionalising Limits on Punishment in Contemporary Social and Political Systems. *Modern Law Review* 78(2): 216–240.

- Lacey, Nicola & Pickard, Hanna. (2015b). To Blame or to Forgive? Reconciling Punishment and Forgiveness in Criminal Justice. *Oxford Journal of Legal Studies* 35(4): 665–696.
- Ludwikowski, Rett R. (1987). Socialist Legal Theory in the Post-Pashukanis Era. *Boston College International & Comparative Law Review* 10(2): 323–342.
- Lenin, Vladimir. ([1918] 1969). Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskiy [from Rus.: The proletarian revolution and the renegade Kautsky]. V Lenin, Vladimir. *Polnoye sobraniye sochineniy* [from Rus.: Full collection of works]. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 235–338.
- Lukasheva, Elena (red.). (1973). *Marksistskoye-leninskaya obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Sotsialisticheskoye pravo* [from Rus.: Marxist-Leninist general theory of state and law. Socialist law]. Moskva: Yuridicheskaya literatura.
- Lukasheva, Elena. (1973). *Sotsialisticheskoye pravosoznaniye i zakonnost'* [from Rus.: Socialist legal consciousness and legality]. Moskva: Yuridicheskaya literatura.
- Manov, Grigoriy (red.). (1970). *Marksistskoye-leninskaya obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Osnovnyye instituty i ponyatiya* [from Rus.: Marxist-Leninist general theory of state and law. Basic institutions and concepts]. Moskva: Yuridicheskaya literatura.
- Mamut, Leonid. (1989). I Soveshchaniye po voprosam nauki Sovetskogo gosudarstva i prava i ego otsenki [from Rus.: I Meeting on the Science of the Soviet State and Law and its Assessment]. V *Iz istorii Sovetskogo gosudarstva i prava* [from Rus.: From the history of the Soviet state and law], Skripilev, Evgeniy (red.). Moskva: Akademiya nauk SSSR, Institut gosudarstva i prava, 111–127.
- Mamut, Leonid. (1989). Analiz pravogeneza i pravoponimaniye [from Rus.: Analysis of law genesis and understanding of law]. V *Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 850. Istoricheskoye v teorii prava: Trudy po pravovedeniyu III* [from Rus.: Scientific notes of the Tartu State University. Issue 850. Historical in the theory of law: Proceedings of jurisprudence III], Gryazin, Igor' (red.). Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–28.
- Mamut, Leonid. (1979). *Karl Marks kak teoretik gosudarstva* [from Rus.: Karl Marx as a specialist of the theory of state]. Moskva: Nauka.
- Mamut, Leonid. (1987). Pravo kak otnosheniye [from Rus.: Law as relationship]. V *Wahrheit und Wahrhaftigkeit in der Rechtsphilosophie*, Schöneburg, Karl-Heinz & Klenner, Hermann (Hrsg.). Berlin: Akademie, 260–269.
- Melkevik, Bjarne. (2016). *Marksizm i filosofiya prava: sluchay Pashukanisa* [Fr.: Melkevik, Bjarne. (2010). *Marxisme et philosophie du droit*]. Paris: Buenos Book International.
- Negri, Antonio. (2017). Perechityvaya Pash-chkanisa: zametki k diskussii [from Rus.: Reading Pashukanis: notes for discussion]. *Stasis* 2(2): 302–349.
- Nersesyants, Vladik. (1992). *Nash put' k pravu. Ot sotsializma k tsivilizmu* [from Rus.: Our path to law. From socialism to civilism]. Moskva: Rossiyskoye pravo.
- Nersesyants, Vladik. (1983). *Pravo i zakon. Iz istorii pravovykh ucheniy* [from Rus.: Law and legislative act. From the history of legal thought] Moskva: Izdatel'stvo "Nauka"
- Nersesyants, Vladik. (1996). *Pravo – matematika svobody. Opyt proshlogo i perspektivy* [from Rus.: The Law as the mathematics of freedom: Past experience and future prospects]. Moskva: Yurist.
- Nersesyants, Vladik. (2006). *Filosofiya prava* [from Rus.: Philosophy of law]. Moskva: Norma.
- O ponimaniy sovetskogo prava.* (1979). [from Rus.: On the understanding of Soviet law. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo* [from Rus.: Soviet State and Law] (7): 56–74; (8): 48–77.
- Osnovnyye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava. Materialy 1-go soveshchaniya nauchnykh rabotnikov prava, 16–19 iyulya 1938 g.* [from Rus.: The main tasks of the science of Soviet socialist

- law. Materials of the 1st meeting of legal scholars, July 16–19, 1938 Moscow]. (1938). Moskva: Yuridicheskoye izdatel'stvo NKYu SSSR.
- Osnovnyye nachala ugolovnogo zakonodatel'stva Soyuzu SSR I Soyuznykh Respublik, 31 October 1924.* [from Rus.: The basic principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics. Adopted by the Resolution of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR of October 31, 1924]. *Sobraniye zakonov SSSR* [from Rus.: The Collection of Laws of the USSR]. 1924. No. 24. Art. 205.
- Pashukanis, Evgeniy. ([1927] 1980a). Marksistskaya teoriya prava I stroitel'stvo sotsializma [from Rus.: Marxist theory of law and the construction of socialism]. V Pashukanis, Evgeniy. *Izbrannyye proizvedeniya po obshchey teorii prava I gosudarstva* [from Rus.: Selected works on the general theory of law and state]. Moskva: Izdatel'stvo "Nauka", 182–194.
- Pashukanis, Evgeniy. ([1927] 1980b). Obshchaya teoriya prava I marksizm [from Rus.: General theory of law and Marxism]. V Pashukanis, Evgeniy. *Izbrannyye proizvedeniya po obshchey teorii prava I gosudarstva* [from Rus.: Selected works on the general theory of law and state]. Moskva: Izdatel'stvo "Nauka", 32–181.
- Petrażycki, Leon. ([1907] 2000). *Teoriya prava I gosudarstva v svyazi s teoriyey npravstvennosti* [from Rus.: Theory of law and state in connection with a theory of morality]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "Lan".
- Plotniyeks, Andris. (1978). *Stanovleniye I razvitiye marksistsko-leninskoy obshchey teorii prava v SSSR. 1917–1936* [from Rus.: Formation and development of the Marxist-Leninist general theory of law in the USSR. 1917 – 1936.]. Riga: Zinatne.
- Podvolotskiy, Ivan. (1923). *Marksistskaya teoriya prava. Ocherk* [from Rus.: Marxist theory of law. Essay]. Moskva; Petrograd: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- Petrishin, Oleksandr et al. (red.). (2011). *Problemi teorii prava i konstitutsionalizmu u pratsyakh M.V. Tsvika* [from Ukr.: Problems of the theory of law and constitutionalism in the works of M.V. Tsvik]. Kharkiv: Pravo.
- Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuzu: Prinyata XXII s'yezdom KPSS.* ([1961] 1973). [from Rus.: Program of the Communist Party of the Soviet Union: Adopted by the XXII Congress of the CPSU]. Moskva: Politizdat.
- Reysner, Mikhail. (1925). *Pravo. Nashe pravo. Chuzhoye pravo. Obshchee pravo* [from Rus.: Law. Our law. Others' law. Universal law]. Leningrad; Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- Reysner, Mikhail. (1908). Teoriya Petrazhitskogo, marksizm I sotsial'naya ideologiya [from Rus.: Petrażycki's theory, Marxism and social ideology]. Sankt-Peterburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
- Rukovodyashchiye nachala po ugolovnomu pravu RSFSR.* Utverzhdeny Postanovleniyem Narodnogo komissariata yustitsii RSFSR, 12 December 1919. [from Rus.: Leading principals of the criminal law of the RSFSR. Approved by the Decree of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR. December 12, 1919]. *Sobraniye zakonov RSFSR* [from Rus.: Collection of legislation of the RSFSR]. 1919. No. 66. Art. 590.
- Strogovich, Mikhail. (1966). Osnovnyye voprosy sovetskoy sotsialisticheskoy zakonnosti [from Rus.: Basic questions of the Soviet socialist legality]. Moskva: Izdatel'stvo "Nauka".
- Stuchka, Pyotr. ([1929] 1964a). Grazhdanskoye pravo I praktika ego primeneniya [from Rus.: Civil law and the practice of its application]. V Stuchka, Pyotr. *Izbrannyye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [from Rus.: Selected works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga: Latviyskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, 419–431.
- Stuchka, Pyotr. ([1922] 1964b). Pyat' let revolyutsii prava [from Rus.: Five years of the legal revolution]. V Stuchka, Pyotr. *Izbrannyye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [from Rus.: Selected

- works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga: Latviyskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, 282–289.
- Stuchka, Pyotr. ([1924] 1964c). *Revolutsionnaya rol' prava I gosudarstva. Obshcheye ucheniye o prave* [from Rus.: The revolutionary role of law and the state. General doctrine of law]. V Stuchka, Pyotr. *Izbrannyye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [from Rus.: Selected works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga: Latviyskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, 43–222.
- Stuchka, Pyotr. ([1918] 1964d). *Staryy I novyy sud* [from Rus.: Old and new court]. V Stuchka, Pyotr. *Izbrannyye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [from Rus.: Selected works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga: Latviyskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, 227–239.
- Stuchka, Pyotr. ([1927] 1964e). *Vvedeniye v teoriyu grazhdanskogo prava* [from Rus.: Introduction to the theory of civil law]. V Stuchka, Pyotr. *Izbrannyye proizvedeniya po marksistsko-leninskoy teorii prava* [from Rus.: Selected works on the Marxist-Leninist theory of law]. Riga: Latviyskoye gosudarstvennoye izdatel'stvo, 513–693.
- Tumanov, Vladimir. (1971). *Burzhuaznaya pravovaya ideologiya. K kritike ucheniy o prave* [from Rus.: Bourgeois legal ideology. To the criticism of legal doctrines]. Moskva: Izdatel'stvo "Nauka".
- Ugolovnyy kodeks RSFSR, 1 June 1922. [from Rus.: The Criminal Code of the RSFSR, 1 June 1 1922]. *Sobraniye uzakoneny RSFSR* [from Rus.: Collection of legislation of the RSFSR] 1922 (15): Art. 153.
- Varlamova, Natalia. (2018). *Prava cheloveka: postsovetkiye predstavleniya v kontekste sovremennykh tendentsiy interpretatsii* [from Rus.: Human rights: post-soviet approaches in context of modern trends of interpretation]. V *Problemy postsovetской teorii I filosofii prava: perspektivy svobodnogo obshchestva. Sbornik statey* [from Rus.: Problems of Post-Soviet theory and philosophy of law: Prospects for a free society. Collection of papers]. Moskva: Yurlitinform, 45–66.
- Varlamova, Natalia. (2009). *Rossiyskaya teoriya prava v poiskakh prava* [from Rus.: Russian theory of law in search of a paradigm]. *Journal of Russian Law*. (12): 68–84.
- Wieacker, Franz. (1990). *Foundations of European Legal Culture. The American Journal of Comparative Law* 38(1): 1–29.
- Zeiller von, Franz. (1809). *Estestvennoye chastnoye pravo* [Germ.: Zeiller von, Franz. (1802). *Das natürliche Privatrecht*. Wien: Bey Christian Friedrich Wappler und Beck]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.